

DOI: 10.19181/inter.2026.18.1.5

EDN: CKQHSU

Другое время, другое место, другие мы. Ретроспективный взгляд на чувствительность тюремных исследований

Ссылка для цитирования:

Омельченко Е. Л., Гарифзянова А. Р. Другое время, другое место, другие мы. Ретроспективный взгляд на чувствительность тюремных исследований // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 1. С. 94–110. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.1.5> EDN: CKQHSU

For citation:

Omelchenko E. L., Garifzianova A. R. (2026) Another Time, Another Place, Another Us. A Retrospective Look at the Sensitivity of Prison Studies. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 1. P. 94–110. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.1.5>

Омельченко Елена Леонидовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: eomelchenko@hse.ru

Гарифзянова Альбина Раисовна

Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Казань, Россия

E-mail: ARGarifzyanova@kpfu.ru

Статья посвящена чувствительным сторонам коммуникации исследователей и информантов на примере ретроспективного анализа данных последнего этапа проекта, посвященного историческим и географическим особенностям современных тюремных систем, влияющим на идентичность и стратегии заключенных из этнических меньшинств¹. Внимание обращено

¹ Речь идет о пятилетнем международном проекте, посвященном сравнению тюремного опыта, стратегий адаптации и ресоциализации заключенных из этнических меньшинств в контексте разных пенитенциарных систем (руководитель проекта — профессор Джудит Пэллот).

к этическим дилеммам и эмоциональному напряжению в процессе бесед с женщинами, продолжающими отбывать наказание в одном из исправительных центров России. Важный элемент анализа — акцент на месте/пространстве и времени работы в поле, задающих контекст исследованию тюремных историй и стратегий выживания сидельцев. В ходе ретроспективного анализа четырех интервью выявлено несколько стратегий преодоления эмоционального напряжения бесед: от осуждения — к усиленной поддержке, от нейтрализации собственных эмоций — до полной, подчас неуместной вовлеченности. Эти обсуждения дополняются критическим взглядом на этические дилеммы и тупики, с которыми столкнулись социологи в этом крайне сложном поле.

Ключевые слова: тюремные исследования; этические дилеммы; эмоциональное напряжение; исследовательская рефлексия

Введение

Тюремные исследования, в частности проект, материалы которого используются в статье, по всем канонам профессионального социологического сообщества относятся к сенситивному опыту, требующему от социолога навыков ведения беседы и тактик преодоления риска как для информанта, так и для себя [Blackman, 2007; Гарифзянова, 2008]. Эти поля связаны с эмоциональной напряженностью, с непроработанными этическими вопросами и дилеммами [Pilkington, Omelchenko, Garifzianova, 2010; Pink, 2015; Скибо, 2021; Гудова, 2019; Кузинер, 2024; Омельченко, 2020]. Высокие требования обращены не только к профессиональным качествам и полевому опыту социолога, насмотренности «другой жизни». Важнее оказываются личные качества человека: устойчивость картины мира, готовность разделять чужую боль и вместе с тем держать дистанцию, чувствовать опасность и принимать решение «в моменте» — идти или нет на риск [Пинчук, 2025]. В данном случае соединились все «приметы» сенситивного поля. Направление исследования: этнорелигиозное измерение неравенства в тюрьме. Закрытые и труднодоступные группы, подверженные общественному осуждению и стигме: мужчины и женщины, имевшие тюремный опыт или продолжающие отбывать наказание. Люди, осужденные за общественно неприемлемые действия или практики: убийства, грабежи, насилие, сбыт и торговля наркотиками, алкоголизм. Круг тем, обсуждаемых в интервью: власть, статусы и иерархия в тюрьме, доступность религиозных практик [Омельченко, Гарифзянова, 2026]. Тюремная повседневность: интимность, гигиена, сексуальность, семейное насилие, тяжелые болезни — ВИЧ, туберкулез, онкология [Омельченко, 2016; Гарифзянова, 2022; Лисовская, 2023].

География большого проекта включала несколько исследовательских кейсов: Свердловскую область (несколько населенных пунктов), Республика Татарстан (несколько городов) и Санкт-Петербург. Длительность поля

объясняется не только географией, но и жесткими условиями рекрутинга — необходимостью обеспечить этническое разнообразие информантов. Таким образом, нашими информантами были мужчины и женщины различного возраста, разной национальности, тюремного статуса, сроков отсидки, имевшие опыт тюремного заключения в прошлом [Omelchenko, Garifzyanova, Pallot, 2024]. Но на последнем этапе проекта рекрутинг привел нас к реальным заключенным (они продолжали отбывать наказание в исправительном центре на момент интервью²), в силу чего собранный материал является уникальным. Формально наши информанты³ имели статус осужденных и продолжали отбывать срок, хотя институт пробации (исправцентры) предполагает частичное ограничение свободы действий⁴. Цель пробации — адаптация к жизни в обществе и трудоустройство [Саутина, 2020].

В фокусе статьи — взаимное влияние *места* (все интервью взяты в одной локации), *времени* (две недели 2020 и три недели 2021 года) и *историй* (женщин-заключенных) вместе с этическими дилеммами и конфликтами, возникавшими в ходе эмоционально нагруженных интервью. Мы начали это поле, уже имея опыт тюремных исследований. Трудности этой части связаны не только со сложным рекрутингом, сроками проведения, бюрократическими барьерами. Мы работали в интенсивном режиме: завершая один этап, сразу приступали к следующему. Дополетовые установки были связаны исключительно с задачами проекта, классическими представлениями о нашей и информантов безопасности, сроками каждого этапа. Ретроспективный взгляд на это исследование позволяет заново пережить тот опыт, переосмыслить его с точки зрения чувствительных моментов в коммуникации с информантами, критически взглянуть на себя из сегодняшнего дня.

На протяжении всего проекта нас сопровождали риски и эмоциональная нагрузка: беспокойство о безопасности (своей, коллег, близких), сильные переживания во время проведения интервью (место проведения, эмоциональное состояние информантов), пострефлексия — обсуждение удач и провалов, обмен мнениями об итогах дня. Этот кейс от начала и до конца мы делали

² Исправительные центры в России — это учреждения уголовно-исполнительной системы (подчинены ФСИН), предназначенные для отбывания осужденными наказания в виде принудительных работ. Это не тюрьма, а вид наказания без полной изоляции от общества за хорошее поведение в результате смягчения наказания. Осужденные живут в общежитиях, работают (обычно на низкооплачиваемых позициях), получают зарплату (часть уходит за содержание), могут пользоваться мобильной связью и интернетом, но ограничены в передвижении, подчиняются строгому распорядку (должны возвращаться вовремя или выходить на видеосвязь). Прикрепленные к исправцентру заключенные могут снимать квартиру и жить с семьей. С 1 января 2024 года в РФ действует закон № 10-ФЗ «О пробации», направленный на ресоциализацию и адаптацию осужденных. Исправцентры активно развиваются с 2018–2020 годов в качестве альтернативы лишению свободы. В них отбывают наказание те осужденные, кто не имеет нарушений во время пребывания в колониях. Это альтернатива лишению свободы под контролем ФСИН. Во многих регионах есть исправительные центры, также они могут принимать осужденных из других субъектов РФ.

³ В рассматриваемом кейсе было взято 36 глубинных интервью с мужчинами и женщинами, имеющими опыт тюремного заключения от 2 до 30 лет, осужденными по различным статьям — от распространения наркотиков, мошенничества, грабежа до жестоких убийств.

⁴ Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ.

вдвоем⁵. У каждой из нас есть опыт пребывания в поле и в одиночестве, и в коллективе исследователей. Это поле запомнилось ежедневной рефлексией и взаимной терапией вокруг услышанных историй и сопутствующих им сюжетов⁶.

Доступ к полю и информантам стал возможным благодаря проводнику, который максимально помогал в течение всего времени работы в поле. На момент знакомства он сам отбывал срок в исправительном центре и работал в местной НКО, которая напрямую сотрудничала с исправцентром. Эта организация, ориентированная преимущественно на поддержку мусульманских общин, была не просто местом его работы, а местом служения: он помогал другим заключенным найти работу, восстановить документы и получить помощь.

С ноября 2020 по февраль 2021 года мы с разной периодичностью посещали Исправительный центр для бесед с информантами. Плотность интервью могла быть высокой (до нескольких в день у каждой из нас), мы работали подряд две-три недели, затем наступал перерыв, позже мы возвращались в поле.

Место

Место, где проводится интервью, — важная деталь таких сложных полей и задач, информанты должны быть полностью уверены в конфиденциальности разговора, доверять нам, важно, чтобы никто не мешал и не прерывал беседу.

Работа началась в ноябре, было по-зимнему холодно и морозно. Каждый вечер мы отправлялись на другой конец города. Интервью проводились по вечерам, в первой половине дня информанты работали. Автобусы ходили нерегулярно, благо, у одной из нас была машина. Мы подъезжали к слегка освещенному административному зданию, вокруг темное зимнее ночное небо и белый снег, длинный высокий забор и КПП. Там, на окраине, в промышленной зоне на территории бывшей колонии для несовершеннолетних и находится исправцентр, здесь в прошлом проводились мероприятия по воспитательной работе с несовершеннолетними заключенными и занятия по изучению внутреннего режима и распорядка дня.

Отдельного внимания заслуживает описание пространства, где проходили интервью. Наш проводник показывал на КПП пропуск, и нас пропускали. Здание открывали специально для нас, до прихода информантов мы там были одни. Пройдя длинный коридор, мы попадали в небольшой актовый зал со сценой, где были сосредоточены экспонаты — агитационные материалы,

⁵ Этот этап проекта проводился двумя исследовательницами — Альбиной Гарифзяновой и Еленой Омельченко в 2020–2021 годах.

⁶ Существующие профессиональные техники психологической терапии или способы совладания со стрессом, описанные в учебниках, в нашем случае не работали. Наша «терапия» выражалась в разговорах «ни о чем», бытовой рутине — шутках, приготовлении еды, просмотре фильмов, с попутным обсуждением особенно сложных моментов взятых интервью. Важно было отвлечься от того, что мы слышали и узнали. Нам просто не хватало времени на глубокую рефлекссию и взаимную поддержку, потому что наступал следующий вечер и следующие интервью.

красное знамя, грамоты побед в спорте и художественной самодеятельности, фотографии работников колонии, своего рода красный уголок. наших собеседников и собеседниц приводили с другой стороны прямо из бывшей колонии, где располагались бараки. Логика индивидуального интервью связана с особым вниманием к месту его проведения: наедине и в тишине. Поэтому одна из нас оставалась с информантом в актовом зале, другая уходила в соседнюю комнату, где находился кабинет приходящего психолога. Сама атмосфера этого места и дорога до него производили тягостное впечатление, но жизненные истории наших собеседников и собеседниц дополняли их еще более гнетущими чувствами. В помещениях с приглушенным освещением и абсолютной тишиной вокруг мы погружались в их истории с описаниями ужаса тюремного заключения. Место и истории информантов усиливали друг друга, создавая эффект нереального кино, в котором мы и они играли главные роли. Будто специально для большей погруженности в эту атмосферу, произошел небольшой, но крайне неприятный и рискованный случай. Одна из нас завершила свое интервью раньше и пошла искать туалет, который был достаточно далеко от актового зала. Дверь заклинило (сломался замок), открыть самостоятельно и выйти не получалось. Более получаса в полной изоляции и тишине. Телефона с собой не было (сумка осталась на месте проведения интервью), пришлось звать и кричать коллегу. Она не слышала и не могла ответить — продолжала брать интервью, двери на время интервью закрывались. Никто не слышит, выйти на свободу невозможно. Было страшно не только физически остаться взаперти в этой маленькой, плохо освещенной комнатке, где сломался замок. Был настоящий ужас остаться там надолго. То самое ощущение безысходности телесного заключения, подобное тому, что информанты испытывают годами. Когда коллега закончила проводить интервью, она думала, что второе интервью еще продолжается. Прошло около часа, и она пошла искать. Дверь не открывалась, пришлось вызывать техника. Пришел он тоже не сразу...

После подобных случаев и эмоционально нагруженных, сложных интервью, дополненных липким страхом, мы ехали домой молча, как бы преодолевая полевую часть нашей жизни сквозь трассу, как красную линию. Мы постепенно возвращались в нашу собственную жизнь с приятной и привычной рутинной — традиционным заездом за продуктами, приготовлением еды и ужином. Эти повторяющиеся практики помогали развеять тяжелую атмосферу после интервью, правда, основными темами разговоров во время ужина оставались нарративы наших информантов.

Время

Мы вольно или невольно возвращаемся в это поле и в то время. Кейс, материалы которого легли в основу статьи, не должен был стать последним, были новые договоренности, идеи и продолжения. Мы не знали, что завершение этого этапа практически совпадет с вынужденным окончанием

нашего участия в проекте. Мы не просто вышли из этого поля. Чуть позже выяснилось, что из большого проекта мы также вынуждены были уйти⁷. У нас в запасе оставалось еще два года, чтобы продолжать общаться с коллегами, участвовать в созвонах и семинарах, писать коллективные статьи, выступать на конференциях... Наши информанты были людьми, в силу разных обстоятельств исключенными и крайне уязвимыми. Через год мы сами почувствовали себя «закрытыми» и исключенными из контекста сотрудничества с коллегами и друзьями, с которыми проработали к тому времени более 15 лет.

После завершения этого кейса прошло пять лет. Мы возвращаемся к теме, пытаюсь ретроспективно воспроизвести рефлексию пережитых моментов, дополнив ее сегодняшним ощущением того времени. В системе исправительного наказания, причем не только в России, вряд ли что-то быстро и кардинально меняется. Однако начиная с февраля 2022 года произошли события геополитического масштаба, в которые, пусть и не напрямую, оказался частично вовлечен «контингент» потенциальных информантов. Мы не знаем, как проходило бы подобное исследование сейчас, хотя вряд ли это было бы возможно. Мы сознательно уходим от политизации этого вопроса. Наша идея — вернуть в актуальную академическую дискуссию тему тюремных исследований вместе с обсуждением особенностей эмоциональной работы в подобных полях. Возвращаясь на пять лет назад, мы перечитываем нарративы и дневники, вспоминаем эмоции и переживания того времени, дополняем их новым опытом и приступаем к осмыслению уникального по сути материала.

Коммуникация исследователей и информантов: на границе осуждения и поддержки

Мы выбрали четыре интервью с женщинами, которые продолжали отбывать свои сроки в исправцентре. Сходства и различия их историй важны для понимания сенситивности тюремных исследований в целом. Схожесть связана в первую очередь с их гендером. Женская судьба заключенной в России, типичная и трагичная одновременно, наполнена испытаниями, потерями связей с детьми, мужьями, родственниками. Сиделицам редко кто-то помогает на регулярной основе [Омельченко, 2012]. Две из них — мамы, все были в браке или сожительствовали. Материнство было общей темой для всех: кто-то лишен родительских прав, чьих-то детей воспитывают родители заключенной, одна сожалеет, что так и не успела стать мамой. Схожи истории их попадания в места лишения свободы — употребление алкоголя или наркотиков, сбыт и распространение наркотических веществ, грабежи и мошенничество. Линии различий их тюремного опыта строятся вокруг их

⁷ Полевой сбор материала завершился ровно за год до февраля 2022 года, сам проект (уже без нас) продолжался до 2024 года.

статусов в исправительных колониях («помогалки»⁸, «баульницы»⁹, «кратки»¹⁰, дневальные¹¹ и другие), что определял выбор ими стратегий выживания в местах лишения свободы.

В каждом из четырех интервью мы остановимся на этических конфликтах между социологами и информантками, в которых отчетливо проявлялось эмоциональное напряжение. Фокусом размышлений будут формы реакции собеседниц на обсуждаемые вопросы, способы поддержки включенности и интереса при столкновении профессиональных задач исследования и личных этических принципов социолога. Отобранные отрывки из интервью не являются исключительной характеристикой каждой беседы, а отражают особо чувствительные стороны взаимодействия, которые могут восприниматься как находки, но и как ошибки, провалы в коммуникации. Особая сенситивность и этическая чувствительность поля сопрягаются здесь с контекстом места, пространства и времени его проведения, атмосферы, сопутствовавшей уникальной возможности поговорить с теми, чьи тюремные сроки не завершены.

Эмоциональная поддержка как способ снятия напряжения через акцент на внешности собеседницы

Первая информантка, интервью с которой вдохновило нас на рефлексия, — Женья, 28 лет¹². Кандидат в мастера спорта по академической гребле, с хорошим образованием, планировала поступление в университет. Считала себя русской, при этом говорила, что в ней «смесь еврейских и армянских кровей». Это ее первый срок — 11 лет за наркотический оборот в крупных размерах (синтетические наркотики). Другие заключенные «ненавидели меня», — говорила она во время интервью. Отличается не только нестандартной для тюрьмы внешностью (яркая блондинка), но и умением кроить/шить, выполнять особые заказы, была на хорошем счету у начальства колонии: «Я могла ходить не в форме». «Грелась»¹³, вначале ее содержали (с воли) на 30 тыс. руб. в месяц, потом на 3 тыс. В колонии носила брендовое нижнее белье, договаривалась с охраной (администрацией) о передаче дорогих духов для себя и подруг.

⁸ «Помогалки» — это низкий статус в тюрьме. Они вынуждены стирать, убирать за другими, выполнять хозработы, получают за это какие-то ресурсы (еду, сигареты, прокладки): «моют за кого-то полы...». С воли им, как правило, не помогают («не греются»), отличаются психологической неустойчивостью.

⁹ «Баульницы» — те, кто «греется», получает большие передачи с воли. «Хоть детоубийца, хоть ты Ганнибал там какой, если есть баул, ты лучшая подруга, там идет баульная страшная система» (Арина, 34 года).

¹⁰ «Одноходы», «второходы», «кратки» — статус в зависимости от количества отсидок: «Там есть люди, которые отсидели четыре, три раза, понимаете уже? Понимаете?! „Кратки“ у нас называют, „кратки“ — неоднократно судимые...» (Арина, 34 года).

¹¹ «... Вот от дневальной очень много зависит. Она была за всех за нас, просто за нас, за каждую. Она как бы не сотрудничала (с администрацией). — Прим. авт.), а вот то, что от нее просили, она выполняла...» (Залина, 46 лет).

¹² Имена всех информанток изменены.

¹³ «Греется» — означает получение заключенной передач, посылок (сигарет, чая, денежных переводов) от родственников, друзей с «воли».

Могла себе позволить доставку суши и шашлыка. Легко шла на сотрудничество с администрацией («они ко мне очень лояльно относились»). В колонии имела особый статус: «...У меня могла быть стеклянная кружка, я свободнее себя чуть-чуть чувствовала, и людей это раздражало». Детей нет. Интервью взято в конце ноября 2021.

Порой нам начинали нравиться наши информантки, и мы открыто демонстрировали симпатию, восхищались их мужеством, проявленным в трудной жизненной ситуации. Внимание могло переключиться на близкое и понятное обсуждение «женских дел». Так, несовпадение внешнего облика респондентки и тюремной истории привели к избыточному, подчас неуместному восхищению.

«Инт.: *Офигеть. У Вас и сейчас такая модельная внешность, честно говоря...*

Женя: *Ну, я не сказала бы, если честно...*

Инт.: *Нет, нет, серьезно, очень отличаетесь. Я, можно сказать, многих видела... тех, кто имел такой печальный опыт, мягко говоря... У Вас такая яркая внешность. Сложно поддерживать вот эту всю красоту?*

Женя: *Тяжеловато. Раньше... я ходила раз в неделю к косметологу, я ничего не делала, она мне там чистку сделает — и все. Сейчас, у меня никогда не было столько кремов, Вы не поверите. То есть они мне не нужны были, то есть я проснулась, и я красивая была. ... Там расчесался, голову помыл и пошел. А сейчас, то есть у меня столько кремов, я смотрю и думаю, господи, если я еще старше буду, там еще их больше будет? (смеется)»*

Эмпатия к собеседницам возникала вместе с мысленным разделением личности женщины, которая искренне делится с нами фактами своей непростой жизни, и той, что совершила преступление, за которое оказалась в местах лишения свободы. Мы могли их оправдывать по разным причинам: «сама жизнь с детства вела их к совершению этого преступления...» или «у нее не было выбора» (из дневника исследовательницы). С одной стороны, искреннее восхищение личными качествами информантки, с другой — внутреннее чувство дисбаланса между внешностью собеседницы и местом, где проходило интервью. Все это создавало этически неоднозначный момент коммуникации: казалось бы, налицо разворачивание беседы вслед за неконтролируемым со стороны социолога искренним восхищением, а по сути — манипуляция. Исследовательница неосознанно манипулировала, раздавая щедрые комплименты информантке, подталкивая ее к еще большей откровенности. В ходе этой беседы была получена богатая информация о тюремном режиме от той, кто «греется» и сотрудничает с администрацией¹⁴. Это помогло подсветить особенности режима в женской колонии, когда деловые качества, внешняя привлекательность и ухоженность сиделицы помогают сохранить достоинство и субъектность. Остается открытым вопрос: насколько это было уместно?

¹⁴ Сотрудничество с администрацией традиционно осуждается, но в реальности, особенно если это касается женской колонии, это может стать основой выживания. Сотрудничество может выражаться как в участии в мероприятиях самодеятельности, в помощи сотрудникам, одолжении, так и в «стукачестве» на других заключенных.

Эмоциональная напряженность и внутреннее сопротивление социолога в ответ на этический конфликт в истории информантки

Лейла, 53 года, — чеченка, родом из Дагестана, «сбытчица», занималась продажей наркотиков ради мужа («у меня муж начал колотья, вот ради него... все это сделала»), после ее ареста и заключения он женился на другой. Это ее первый срок (11,5 лет). Детей нет. Сильная и волевая женщина, сотрудничала с администрацией («подралась в швейке, убрали оттуда... в отряде помогла санрейд, проверка же, чистота. Вот это я контролировала»). «Грелась» («все поддерживают меня»), занимала положение «блатной»¹⁵, что поддерживалось ее широкими внутритюремными связями и «крутым» прошлым наркобизнеса. Отличалась крайне патриархальной позицией¹⁶. Постоянно возвращалась к своей непрощаемой вине, отсылая к обязательной каре со стороны Аллаха и родственников (особенно мамы). Чувства вины и раскаяния сочетались с агрессивной критикой женщин, попавших в тюрьму в результате наркопотребления. Интервью было взято в феврале 2021 года.

Исследовательнице постоянно приходилось справляться с очевидными противоречиями в рассказе Лейлы. Она получила срок за создание картеля по продаже (через интернет, сеть закладок и закладчиков) одного из синтетических наркотиков:

«...чё меня толкнуло туда, может, я душой была, может, у меня ума не хватало. Или я большие деньги захотела... от них шли же большие деньги все равно, день... чё там скрывать, вот день 50, 100, 150 тысяч деньги зарабатывала. Это же деньги?»

Сама она (судя по ее словам) никогда не употребляла ни наркотики, ни алкоголь, «кололся муж», который ее и сдал. Самый большой срок по этим статьям (11,5 лет) говорит о широкой сети потребителей и посредников, с кем она работала. В колонии она сидела в окружении женщин, в сроках которых и, конечно, зависимости от наркотиков, она, пусть и опосредованно, виновата.

«...Когда приехала, я увидела этих девок-наркоманок в зоне, у них проколоты все, вот эти дырки в ногах, я смотрела, я сама себя ненавидела. Неужели я за это деньги делала, а чужие матери плакали... за это я себя не могу простить... Я сама ходила, я сама покупала и перепродавала. ... Деньги, деньги, деньги...»

¹⁵ «Блатная», или «старшая», в женской колонии — это обычно авторитетная осужденная (часто рецидивистка), которая управляет жизнью в отряде, следит за порядком и часто взаимодействует с администрацией колонии.

¹⁶ Отчетливее всего это проявлялось в жестком неприятии женского сожительства в колонии: «...С ними дружат там, друг друга целуют там, обнимают. Но я им всегда говорила: стоп! Я прямо в лицо говорила: я ненавижу вас... В прошлом году уже начали им полоски там какие-то ставить зеленые, рапорта начали писать... больше варианта не было, с ними бесполезно было бороться. Вот так живут бабы».

Некоторые истории ее раскаяния слушать было невероятно сложно. Она говорила о своей вине перед Аллахом, родом и семьей, перед сокамерницами, но тут же дополняла эти слова жесткими и грубыми деталями, обвиняя молодых женщин в неуважении к себе и окружающим:

«Мне все говорили: лучше ты человека убила бы, чем наркотиками сесть... так-то разницы нету — человека убить, наркотики про-давать, и так убиваешь ты, и так убиваешь ты. ...У нас почти все наркоманы сидели. У всех большие срока, 8, 9, 11, 15, девки умирали... почему женщины так себя губят? ...Женщины все прокуряют, все, вот эти шрамы... (Какие шрамы?) Ну вот такие, как кололись, вот на ногах, на теле. Я говорю: а почему у вас так это? — ...После уколов сжигаем... (Что сжигаем?) Ну, выжигают они вот этот, куда это сделают, и там остаются шрамы... страшно на них смотреть. Ну голова у нее краси-вая, разговор нету, ну фигура, да, приятная ты девушка, но ты вся себя исколола и испортила...»

Ее «раскаяние» звучало противоречиво, и продолжать интервью в том же ключе становилось похожим на эмоциональное и психологическое испытание.

«...Половина лагеря все семейные, дети у них. ...Слава Аллаху, он мне не дал ребенка... Я в наркотики влезла, это месть моей роду. Некото-рые вот эти старейшины были бы живы, они сказали бы: закопай ее, она нас опозорила... мне еще повезло, что я была замужем, вот че меня спасло. ...Мне стыдно было перед этими нашими мужиками, дагестан-цами, перед ними идти на прогулку. Просто мне деваться некуда было, я на себя руки ложить тоже не могла... Даже котенка у меня нету».

Сложно было проявлять какую-то эмпатию, хотелось скорее закончить интервью и быстрее уехать домой. В нарративе Лейлы было достаточно примеров трудностей и жестокости тюремной жизни. С точки зрения выполнения задач исследования оно было крайне информативно. Эта сильная и жестокая женщина без особых усилий вписалась в тюремную иерархию и не чувствовала каких-то лишений. Однако возникшее с самого начала предубеждение в отношении искренности признания вины и раскаяния мешало выстроить контакт. Это яркий пример другой стороны чувствительности — вынесе-ние субъективного вердикта в отношении приговора и срока, что нами же признавалось неуместным и мешало выстраивать беседу в доверительном ключе. В отличие от первой информантки, Лейла откровенно не нравилась и не вызывала сочувствия. Принятые в социологии этические установки в данном случае ушли на второй план и перестали работать. Точкой неявного конфликта стали эмоции исследовательницы. Было крайне сложно поддержи-вать баланс между сохранением нейтральности и чувством неприязни. Поддерживать дистанцию и эмоциональное равновесие, одновременно с этим вовлекать собеседницу в продолжение беседы в целом крайне тяжело,

а порой просто невозможно. В таких сенситивных моментах полевой коммуникации только честное и открытое обсуждение подобных эмоционально окрашенных трудностей, рефлексия и самокритика могут стать реальным выходом из этического тупика.

Интерес к истории заключенной и отсутствие эмпатии к человеку

Залина, 46 лет, родом из Башкортостана, начала употреблять наркотики в достаточно позднем возрасте (*попросился ко мне один мужчина жить... освободился с тюрьмы... оказалось, что он мелко приторговывает наркотиками. ...Полгода он прожил, и вот с ним первый раз я попробовала наркотики... мне было тогда 41»). Мать двоих детей (5 и 19 лет), получила большой срок за сбыт наркотиков в сговоре. Наполовину татарка, наполовину русская. Окончила вуз, работала учительницей русского языка и литературы. В колонии не «семейничала»¹⁷ (*привыкла сама по себе*). Отбывала срок в мордовской колонии (*«говорят, кто не был в Мордовии, тот вообще не сидел*). В колонии много зарабатывала, помогала родителям, с которыми жил ее младший сын (*«у нас дорогая продукция, потому что я вот по 20 тыс. домой отправляла переводы...»*). Интервью взято в марте 2021 года.*

Долгая и подробная история этой респондентки сопровождалась подерживающими отстройками исследовательницы: *«Что, правда? Ужас какой! Как Вы это пережили? Да уж, если попала, уже бесполезно. Оттуда точно не выйдешь...»*. Исследовательница подталкивала информантку к большим подробностям в описании наказаний и пережитых унижений — развернутые нарративы были крайне важны для решения ключевых задач проекта. Получилось одно из самых информативных интервью о жестких режимах в мордовских колониях, особенно по отношению к тем, кто «не грелся» и стремился сохранять свое одиночество и отстраненность.

«Норму выработки если не выполняешь... на швейке, тебя ведут на дубинал и дубачки дубинками по ногам, по почкам просто. (Это эчки тоже?) Нет, это персонал, сотрудницы, охранницы. (Ужас какой, а они бьют куда?) По ногам, по почкам. (Прям реально бьют и бьют?) Да, битами своими, просто берет и стучает».

Залина подробно рассказывала про бессмысленные наказания через принуждение к совершенно никому не нужным хозяйственным работам: *«Если ты не будешь как бы на ее стороне (начальницы), то ты будешь постоянно*

¹⁷ Заключенные могут объединяться с другими заключенными для совместной организации быта, но прежде всего питания и защиты интересов, создавая неформальную «семью», или «семеюку». Обычно, когда «семейничают», люди делятся между собой продуктами питания (посылки с воли), вместе пьют чай, готовят еду, помимо этого, просто поддерживают друг друга. В «семеюке» может быть от двух до пяти человек.

не знаю где внизу, т.е. будешь бегать на все хозработы, будешь кружками лужи с плаца собирать... из черного снега делать белый снег, из черного снега делать белый снег, хоронить снег...» [см. Omelchenko, Garifzyanova, Pallot, 2024].

Вместе со стремлением получить более насыщенный рассказ о режиме мордовской колонии заметно проявилась искренняя демонстрация разделенности и поддержки в понимании ее «нелегкой судьбы». Однако в другой части интервью эмпатия и участие, похоже, отказывают социологу.

В какой-то момент интервью Залина начала рассказывать, что после перемещения в чувашскую колонию, режим которой по сравнению с мордовской был мягче и «человечнее», она снова начала писать стихи.

«Инт.: У Вас высшее образование, Вы правильно разговариваете, Вы образованная, это как-то помогало или, наоборот, мешало в колонии?

Залина: ... В Мордовии, там тебя вообще как личность просто не видят, просто ты есть физическое тело. А вот в Чувашии, знаете, я вот с 16 лет стихи сочиняю... мне вот это помогало, я пока стою глажу, я сочиняю стихи...

Инт.: Выступали все-таки? А помните чего-нибудь?

Залина: Я помню только это, про наркотики (зачитывает стихотворение).

Их много у меня, море... Я на каждой проверке успевала по два стихотворения написать...

Инт.: А что это значит — проверка, стоишь просто, что ли?

Залина: Еще там еще про небо: «А небо-то здесь какое — белое, серое, голубое. Я и дома хочу такое, только без негатива, очень-очень много позитива. Девочки, на небо взгляните, красоту прицените...»

Инт.: А скажите, пожалуйста, вот к вам никто не приезжал?»

В приведенном отрывке можно заметить отсутствие интереса к творчеству Залины. Исследовательница постоянно возвращает разговор к условиям проживания в обеих колониях, направляя беседу к основным задачам проекта. Вероятно, мы преувеличиваем значимость этой части (излишняя самооценка), однако в сравнении с повышенной эмоциональной включенностью в обсуждения тюремного унижения и насилия различия все же заметны. Один из принципов проведения сложных и эмоционально нагруженных интервью заключается в следующем. Изучая маргинализованные, исключенные группы, важно видеть человека, в доступной форме проявлять интерес к личности, не сводить беседу исключительно к его/ее принадлежности (группе, классу, субкультуре, заболеванию и пр.), не пренебрегать другими сюжетами, пусть и не напрямую связанным с задачами проекта. Но одно дело декларировать принципы, другое дело — придерживаться их.

Отстраненность и постоянное эмоциональное напряжение

Арина, 34 года, марийка, срок семь лет за грабеж в сговоре, у нее это не первый срок (всего три или четыре). Ее нарратив пронизан алкогольной зависимостью не только ее самой, но и всего ее окружения, включая семью. Она — мать двоих девочек, лишена родительских прав, девочек удочерила другая семья. Детство и юность провела в интернате, мать Арины посадили. Родила первую дочь в 16 лет. Первый срок был 4,5 года в колонии-поселении, за нарушение перевели в женскую колонию, где были тяжелые условия («Женская колония, строгий режим. Там прям заходишь и написано „Добро пожаловать в ад“»). В целом, вся жизнь информантки связана с алкоголем, грабежами, мошенничеством и тюрьмой: «Мама сидела, и отчим сидевший, мужья сидели, как и я сама...». Интервью взято в феврале 2021.

Первый срок Арина отбывала в Пермском крае, в колонии, где сидела известная активистка. Сказала, что благодаря ее жалобам стали очень хорошо кормить. Судьба информантки по-настоящему трагическая. Она постоянно пила, переходила из одного дома в другой, убегала от полиции, получала новые сроки. Потеряла родительские права на детей. Все сожители издевались и били ее с тяжелыми последствиями (переломы, ушибы, кровотечения). В колонии ей никто с воли не помогал. Семейничала. Скорее всего, была «помогалкой». Усиленно подчеркивала свою гетеросексуальность, говорила, что с «такими, кто жил с женщиной», чай вместе не пили. При этом часто восхищалась красивыми осужденными и описывала их достаточно сексуализированно. В исправцентре семейничала с четырьмя женщинами разных национальностей. Ее рассказ сопровождался подробными описаниями всех ее встреч, алкогольных походов, грабежей и побегов, предательств и побоев со стороны меняющихся сожителей. Требовались особое терпение и стойкость в поддержке беседы. Этические дилеммы как бы снимались выраженной отстраненностью интервьюера и нейтральной позицией в отношении «понятной и прозрачной» тюремной истории.

В дискуссию

Оттенки эмоциональной вовлеченности и напряжений, описанные в статье, не охватывают все разнообразие возможных этических конфликтов и тупиков, которые мы проживали в ходе проведения этого поля. Предлагаемые здесь варианты их преодоления — лишь небольшая часть нашего опыта. Мы не претендуем на какие-то открытия. Социологи — «тоже люди», и ситуации, связанные с дискомфортом, испытанием, тревогами, знакомы многим из нас, особенно когда речь идет о таких крайне чувствительных полях, как исследования тюрьмы и опыта заключенных. Переживаемые нами страхи, проговариваемые рефлексии в отношении профессиональной этики, личных симпатий и антипатий заслуживают отдельного внимания и могут быть рассмотрены в качестве не просто дополнения, а части этого непростого поля.

Мы продолжаем задавать себе вопросы. Чему нас учит этот опыт, можно ли быть такими требовательными к себе и коллегам? До каких пределов можно и стоит погружаться в сопутствующую атмосферу, в нашем случае — в место, пространство и время проведения исследования? Отчасти эти вопросы остаются открытыми для дискуссии. Обобщая наш опыт, можно сказать, что в подобных исследованиях, безусловно, важна командная работа исследователей и взаимная эмоциональная поддержка. В процессе исследования нас поддерживали бесконечные разговоры друг с другом, наша полевая «терапия». Мы тогда недооценивали или просто пропускали важные этические конфликты и тупики, которые стали очевидными в процессе ретроспективного анализа. Сейчас мы лучше понимаем их значение. В таких полях многое невозможно предугадать, к каким-то откровениям информантов мы явно не были готовы. Этический императив в нашем случае — шире и глубже, чем просто «не навреди». Это не только принципы, прописанные в этических кодексах. Это навыки самообладания и самоконтроля в ходе коммуникации, своего рода навигация беседы с учетом места, времени и жизненных историй информантов. Приведенные примеры этических дилемм касаются не только особенностей трудного поля. Они показывают, насколько уязвимыми оказываются исследователи, остаются сами собой, не всегда способными и готовыми оставить «за дверью» и скрыть свои чувства. Возвращаясь к историям наших информанток, мы не просто вспоминаем поле, преувеличиваем или героизируем нашу работу. Мы перезагружаем себя, переосмысливаем профессию, критически воспринимаем наши собственные ограничения. Оставим нерешенные вопросы на будущее. Высока вероятность того, что мы вернемся в это поле, причем не только в формате ретроспективного анализа прошлого.

Благодарности

Выражаем искреннюю благодарность профессору Джудит Паллот за долгие годы совместной работы, доверие и поддержку во время проведения исследования. Хотелось поблагодарить нашего проводника и помощника, который помогал в реабилитации заключенным и нашел время помочь нам. Он и его руководитель оказали колоссальную поддержку в организации этой части большого исследования. Мы безмерно благодарны нашим информанткам, которые поделились с нами своими историями. Мы не можем, согласно этике и договоренностям, написать их имена, но спустя пять лет продолжаем помнить и искренне говорим спасибо за помощь и доверие.

Литература / References

Гарифзянова А. Р. «Первое время мне трудно здесь было ...»: почему бывшим заключенным так сложно на свободе? // Социальная работа: теория, методы, практика. № 6. СПб.: «Семья». 2022. С. 32–43.

Garifzyanova A. R. (2022) "Pervoe vremya mne trudno zdes bylo ...": pochemu byvshim zaklyuchennym tak slozhno na svobode? ["At First It Was Difficult for Me Here...": Why Is It So Difficult for Former Prisoners to Be Free?]. In: *Socialnaya rabota: teoriya, metody, praktika* [Social Work: Theory, Methods, Practice]. No. 6. SPb.: "Semia". P. 32–43. (In Russ.)

Гарифзянова А. Р. Позиция антрополога при исследовании проблем ксенофобии // Антропологический форум. № 8. 2008. С. 36–42.

Garifzyanova A. R. (2008) The Position of An Anthropologist in the Study of Xenophobia Problems. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture]. No. 8. P. 36–42. (In Russ.)

Гудова Е. А. О «травме методом» и эмоциональной работе полевого исследователя // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2019. № 48. С. 58–62. EDN: EFPVAF

Gudova E. A. (2019) About "Trauma by Method" and the Emotional Work of a Field Researcher. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling* (4M). No. 48. P. 58–62. (In Russ.)

Кузинер Е. Н. Исследование бездомности: методология, эмоциональная вовлеченность и место исследователя в сенситивных полях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 69–88. EDN: NGDUFQ DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.4>

Kuziner E. N. (2024). Research on Homelessness: Methodology, Emotional Involvement, and the Researcher's Place in Sensitive Fields. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 16. No. 2. P. 69–88. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.4> (In Russ.)

Лисовская И. В. Чем краснее, тем блатнее: властные миры женских колоний России и Казахстана // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2023. Т. 15. № 2. С. 27–56. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-2-27-56>

Lisovskaya I. (2023). The "Rouge" Is Too Rogue: Power Worlds in Women's Penal Colonies of Russia and Kazakhstan. *Laboratorium. Zhurnal socialnyh issledovaniy*. [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 15. No. 2. P. 27–56. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-2-27-56> (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Гендерное измерение женского заключения: любовь, торговля, эксплуатация // До и после тюрьмы: женские истории / Под ред. Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А., Пэллот Дж., Гончарова Н. В., Нартова Н. А. СПб.: Алетейя, 2012. С. 478–488.

Omelchenko E. L. (2012) Gendernoe izmerenie zhenskogo zaklyucheniya: lyubov, trgovlya, ekspluatatsiya [The Gender Dimension of Women's Imprisonment: Love, Trade, Exploitation]. In: Omelchenko E. L., Sabirova G. A., Pallot J., Goncharova N. V., Nartova N. A. (eds.) *Do i posle tyurmy: zhenskie istorii* [Before and After Prison: Women's History]. SPb.: Aleteya. P. 478–488. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. (2020) «Я ничем вам не помог...»: исследовательская рефлексия вслед неудачному интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 12. № 1. С. 81–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5>

Omelchenko E. L. (2020) "I Didn't Help You in Any Way...": Research Reflection after an Unsuccessful Interview. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 1. P. 81–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5> (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Красные и черные: гендерное измерение структур различия и исключения в мужских колониях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 2. С. 142–159.

Omelchenko E. L. (2016) Reds and Blacks: Differences and Exceptions of Geographical Dimensions in Male Colonies. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 19. No. 2. P. 142–159. (In Russ.)

Омельченко Е. Л., Гарифзянова А. Р. Быть и остаться мусульманином в тюрьме: от стратегий выживания — к агентности и сопротивлению // Мир России. 2026. No. 2. (В печати)

Omelchenko E. L., Garifzyanova A. R. (2026) To Be and to Remain a Muslim in Prison: from Survival Strategies to Agency and Resistance. *Mir Rossii* [World of Russia]. No. 2. (In press) (In Russ.)

Пинчук О. В. На границе ролей: ролевая двойственность и лиминальное знание в полевой этнографии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 4. С. 33–55. EDN: NUPEGW DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.2>

Pinchuk O.V. (2025) At the Boundary of Roles: Role Duality and Liminal Knowledge in Field Ethnography. *Interaksiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 17. No. 4. P. 33–55. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.2> (In Russ.)

Саутина С. А. Исправительные центры в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости УИС. 2020. № 2. С. 37–44. EDN: SSQBES

Sautina S. A. (2020) Correctional Centers in the Penal System of the Russian Federation. *Vedomosti UIS* [Vedomosti of The Penal System]. No. 2. P. 37–44. (In Russ.)

Скибо Д. Опасности поля: перспектива исследователя // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 40–45.

Skibo D. (2021) Field Dangers: A Researcher's Perspective. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture]. No. 48. P. 40–45. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-48-11-88>

Blackman Sh. (2007) "Hidden Ethnography": Crossing Emotional Borders in Qualitative Accounts of Young People's Lives. *Sociology*. Vol. 41. No. 4. P. 699–716. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038507078925>

Omelchenko E., Garifzyanova A., Pallot J. (2024) "Humiliation, Shame and Torment": Continuity and Change in the Statuses and Power Hierarchies in the Post-Soviet Prison System. *Incarceration*. Vol. 5. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1177/26326663241257360>

Omelchenko E. L. (2016) "Distant" Wives and Prisoners in Russia: Care in the Careless State. *Community Development Journal*. Vol. 51. No. 4. P. 465–481. DOI: <https://doi.org/10.1093/cdj/bsw018>

Pilkington H., Omelchenko E., Garifzyanova A. (2010) *Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives*. London: Routledge.

Pink S. (2015) *Doing Sensory Ethnography*. 2nd ed. London: SAGE/Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446249383>

Сведения об авторах:

Омельченко Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** eomelchenko@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 74361; **ORCID ID:** 0000-0002-5951-3682; **ResearcherID:** K-5885-2015.

Гарифзянова Альбина Раисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры общей и этнической социологии, ИСФНиМК, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. **E-mail:** ARGarifzyanova@kpfu.ru. **РИНЦ Author ID:** 295321; **ORCID ID:** 0000-0001-8399-8205; **ResearcherID:** O-3096-2016.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

Принята к публикации: 18.03.2026

БАК: 5.4.4

Another Time, Another Place, Another Us. A Retrospective Look at the Sensitivity of Prison Studies

DOI: 10.19181/inter.2026.18.1.5

Elena L. Omelchenko HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: eomelchenko@hse.ru

Albina R. Garifzianova Kazan Federal University, Kazan, Russia
E-mail: ARGarifzyanova@kpfu.ru

This article explores the sensitive aspects of communication between researchers and informants, using a retrospective analysis of data from the final phase of a project on the historical and geographical factors in contemporary prison systems that influence the identities and strategies of ethnic minority prisoners. Attention is paid to the ethical dilemmas and emotional tension encountered during interviews with women serving their sentences in one of Russia's correctional centers. A key element of the analysis is the emphasis on the place/space and time of fieldwork, which provide context for the study of inmates' prison histories and survival strategies. A retrospective analysis of selected interviews revealed several strategies for overcoming the emotional tension of these conversations: from condemnation to increased support, from neutralizing one's own emotions to full, sometimes inappropriate, engagement. These discussions are complemented by a critical look at the ethical dilemmas and impasses faced by sociologists in this highly complex field.

Keywords: prison studies; ethical dilemmas; emotional stress; research reflection

Authors Bio:

Elena L. Omelchenko — Doctor of Sociology, Professor, Director of the Center for Youth Studies, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** eomelchenko@hse.ru. **RSCI Author ID:** 74361; **ORCID ID:** 0000-0002-5951-3682; **ResearcherID:** K-5885-2015.

Albina R. Garifzianova — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of General and Ethnic Sociology, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University, Kazan, Russia. **E-mail:** ARGarifzyanova@kpfu.ru. **RSCI Author ID:** 295321; **ORCID ID:** 0000-0001-8399-8205; **ResearcherID:** O-3096-2016.

Received: 13.02.2026

Accepted: 18.03.2026